

И.А. ИЛЬИН О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКТА Л.Н. ТОЛСТОГО И И.А. БУНИНА*

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики художественного акта через призму творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина философом русского послеоктябрьского зарубежья И.А. Ильиным. Философ отмечает родственность творческих актов Л.Н. Толстого и И.А. Бунина: двойственность, внешнее чувственное видение, глубинное проникновение в бездну человеческого инстинкта. Художественный акт обоих писателей не исчерпывает глубины их личностей. Философ Духа, И.А. Ильин не симпатизирует подобным творческим актам, но вносит достойную лепту в объективное исследование тайн творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина.

Ключевые слова: творчество, эстетическая теория, искусство, художественный акт.

Сегодня, благодаря труду Ю.Т. Лисицы, основного издателя и комментатора наиболее полного собрания сочинений И.А. Ильина, увидели свет 26 томов собрания сочинений И.А. Ильина. В октябре 2005 года состоялась церемония перезахоронения праха мыслителя в Донском монастыре, а также передача в 2006 году личного архива философа Московскому университету, студентом и профессором которого он был.

В издании «Русское Воскресение» (Париж, 15 июня 1955 г, № 1), посвященном памяти И.А. Ильина, подчеркивалось, что «даже среди элиты наших соотечественников... Иван Александрович представлял вершину наивысочайшую, как ученый, как философ и как религиозный мыслитель... Иван Александрович – учитель будущих веков!» [1].

Наиболее известны и популярны его труды, посвященные социально-политической, философски-правовой, религиозно-философской проблематике. Эстетическое наследие философа исследовано и известно в значительно меньшей степени.

Эстетика И.А. Ильина избирательна: он всегда оставался горячим приверженцем классического искусства и никогда не принимал модернизм.

Согласно Ильину, творить художественно означает служить Богу и нести радость людям. «Вы своею «эстетикой» торите для мира пути к Богу» [2], – отмечал И.С. Шмелев. И добавлял: «Ваша «эстетика» вошла монументально в теорию словесности и искусства. Ваше Искусство должно быть ведомо миру» [3]. И.С. Шмелев справедливо полагал, что время Ильина как литературного критика и искусствоведа еще придет. Сам же философ считал, что все самое главное было им сделано в последние годы жизни. Это время разработки и его эстетической концепции.

Философ исследует творчество и личность А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, И.С. Шмелева и др. через призму специфики их художественного акта. Такой подход является достаточно оригинальным и обогащает современную эстетическую теорию.

* © Моисеенко М.В.

«Вы все опрокинули и перевернули в приемах критики» [4], – считал И.С. Шмелев. Писатель отмечал: «Вы дали – **лики**, живые. Дали – **сущности**. Вы вскрыли то, что и носители этих сущностей не сознавали вполне, – в чем эти «сущности» [5].

Ильин отмечал, что самобытный способ творить искусство и есть художественный акт. Каждый художник творит по-своему, что не исключает необходимости постоянно совершенствоваться и умножать систему своих знаний, развивая силу творческого созерцания и способность сосредоточения на существенном. Художник, считает Ильин, должен знать творческий диапазон своей души и своего духа, растить и совершенствовать его. Каждый художник по-своему видит и изображает и внешний материальный мир, и внутренний мир души. В литературе И.А. Ильин различает мастеров «внешнего видения» и «внутреннего видения». К первым относит творчество Л.Н. Толстого. К ярчайшим представителям второго – творчество Ф.М. Достоевского, погружающее нас в пучину человеческих страстей.

Исследование творчества классиков через призму специфики их художественного акта дает возможность более глубоко разобраться в поворотах их судеб, тайнах творчества, объективно оценить мировоззренческую позицию.

В данной статье мы непосредственно обратимся к исследованию И.А. Ильиным специфики творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина.

В таких произведениях, как «Лев Толстой как истолкователь русской души («Война и мир»)», «Мировоззрение Льва Толстого», «Лев Толстой – художник и человек» И.А. Ильин обращается к творчеству Л.Н. Толстого.

И.А. Ильин преклоняется перед личностью Л.Н. Толстого, относя его к гениям России, русским художникам огромного дарования, определяет его личность как титаническую, мятущуюся, сделавшую совесть главным мериллом своей жизни и стремившуюся сделать ее мериллом деятельности всего человечества.

И.А. Ильину посчастливилось лично общаться с Л.Н. Толстым. В 1906 году издатель Ильина попросил его обратиться к Л.Н. Толстому с просьбой написать предисловие к только что переведенной И.А. Ильиным и его супругой Н.Н. Вокач книге Эльцбихера «Анархизм». Встреча произошла в родовом имении Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Эта встреча оставила неизгладимый след в жизни философа. Он с огромной теплотой описывает свою встречу с Толстым, его деликатность, исходящее от великого художника душевное тепло, его пронзительный взгляд, проникающий в глубь души, огромное человеческое обаяние, острый ум.

6 июля 1908 года Ильин обращается с письмом к Горбунову-Посадову И.И. по поводу перевода для книгоиздательства двух первых трактатов Ж.Ж. Руссо. Ответ И.А. Ильину должны были дать, посоветовавшись предварительно с Л.Н. Толстым. К этому времени он перевел с женой Н.Н. Вокач «Социальную дифференциацию» Зиммеля, которая должна была выйти зимой. Ильин пишет: «Прошу Вас при свидании с Львом Николаевичем передать ему от меня выражение глубокого и почтительного уважения. Так хотелось бы иметь целиком его последнее письмо, написанное за границей! Оно поистине потрясает душу» [6].

Спустя годы в эмиграции в 1942 – 1944 гг. в Цюрихе И.А. Ильин выступает с лекциями, посвященными творчеству Л.Н. Толстого, где дает исчерпыва-

ющий и, как всегда, бескомпромиссный анализ его творчества, как и творчества любого другого художника. Философ считает, что человек, способный так резко судить о себе и осуждать себя, как Л.Н. Толстой, не нуждается, чтобы на него смотрели через розовые очки [7]. Ильин приводит высказывание Гегеля о том, что великий человек осуждает последующих людей на то, чтобы они его объяснили, добавляя при этом, что Лев Николаевич был действительно великим человеком. А правильно понять великого человека, замечает философ, дело далеко не простое. «Грандиозной живой загадкой предстает он перед нами, требуя верного понимания и справедливой оценки» [8]. Подчеркивает Ильин и то, что когда дело касается великого человека, то одного верного понимания и справедливой оценки мало, необходимо еще проникнуться благодарностью сердца к нему, ибо он страдает за всех нас, «борясь с проблемами нашего общего бытия» [9].

Характеризуя специфику творческого акта Л.Н. Толстого, философ подчеркивает наличие у него двойственного творческого акта. В художнике присутствует теоретик-резонер. Когда Л.Н. Толстой выступает как художник, считает философ, он велик, но как только подключается доктринер, моралист – образы выходят сухие, плоские, нежизнеспособные и читателю становится скучно. Художнику Толстому хорошо удаются образы простых, цельных, гармоничных людей, людей природы, инстинкта. (В «Войне и мире» это граф Ростов, Наташа и Николай Ростовы, дядюшка Ростовых, княжна Марья Болконская, капитан Тушин, капитан Тимохин, Алпатыч, партизан Денисов, крестьяне, солдаты, Платон Каратаев, прекрасно показаны и несложные в психологическом плане образы князя Василия, Элен и Анатоля Курагиных). Но как только возникают образы посложнее в психологическом и интеллектуальном плане, (Пьер Безухов и Андрей Болконский, Соня в «Войне и мире», Левин в «Анне Каренине», Нехлюдов в «Воскресении» и т.д.), в Л.Н. Толстом просыпается резонер-теоретик, ибо эти образы даются Л.Н. Толстому труднее в художественном плане и он вынужден вкладывать в их уста собственные рассуждения. Художник и резонер-теоретик идут у него, таким образом, рука об руку. Ильин замечает, что Л.Н. Толстой использует как художник не всю клавиатуру своего существа, а только природного человека. Это предел его художественных возможностей. Образы же интеллектуальных героев ему не удаются, и он вынужден прибегать к теоретизированию. А поскольку он не получил специального академического образования, то предстает, по мнению И.А. Ильина, философом-самоучкой, правда, гениально-одаренным. «В «Войне и мире...», в «Воскресении» доктрина взрывает барьеры художественности, рассудок дирижирует симфонией романа и фальсифицирует ее» [10]. Наиболее удачны в художественном плане, с точки зрения И.А. Ильина, такие произведения Толстого как «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы», «Казачьи», «Власть тьмы», «Анна Каренина» (за исключением образа Левина), «Хаджи-Мурат» и более поздние миниатюры, написанные в духе христианской любви. Разбирая структуру художественного акта Л.Н. Толстого, Ильин соглашается с мнением Мережковского, что Толстой – чувственный наблюдатель внешнего, в то время как Достоевский – духовно-душевный созерцатель внутреннего [11]. Толстой, по мнению И.А. Ильина, видит человека не изнутри, как Достоевский или Шмелев, а снаружи, как Тургенев и Бунин. Он наблюдает жизнь человека снаружи, регистрируя, анализируя, толкуя и расшифровывая. Эти

аналитически меткие рассуждения интересны в социологическом плане, но в глубь духовной жизни не ведут. Простую душу таким образом понять можно, но более сложная натура остается недоступной. И если у Ф.М. Достоевского все люди выше планки обыденности, то у Л.Н. Толстого почти нет людей крупного масштаба. Но у Л.Н. Толстого своя глубина, глубина инстинкта. Он может направить свой исследовательский луч даже в бездну, но это бездна человека инстинктов. В силу этого Толстой избегает изображения великих образов, а, если иногда и прибегает к ним, они ему не удаются. Причем сам Л.Н. Толстой с его борениями духа, исканиями истины, мятущейся тревожной совестью, гениальной собственной философией, покорившей мир, – тип Достоевского. Но сам бы описать себя не мог. Для этого понадобился бы гений Достоевского.

Православный писатель русского послеоктябрьского зарубежья И.С. Шмелев солидарен с И.А. Ильиным в оценке творчества Л.Н. Толстого, хотя с концепцией философа относительно художественного акта Л.Н. Толстого знаком не был. И.А. Ильин замечает в письме Шмелеву от 11.4.1946 г., что его «критические замечания о Толстом *очень хороши*. Жалею, что не могу послать Вам моих лекций о сем первобытном титане... Вас бы позабавили наши совпадения» [12].

Итак, метод, посредством которого творит Толстой, это внешне-аналитическое наблюдение. Великих и неординарных людей посредством такого метода понять трудно Толстой вообще умалывает роль великих людей в истории. Согласно его концепции историей движут народные массы. «Наполеона он умалывает.. Кутузова показывает как какого-то не лишённого чутья ленивца и хитреца. Крайне неоднозначную фигуру царя Александра рисует как *нейтрально-обволажнительную, отвлеченно-идеальную икону*, а не царя» [13]. Наполеон изображен Толстым маленьким, ограниченным, самодовольным фразером, который никого и никуда не мог за собой повести. Ильин считает, что в угоду доктрине, но с большой осторожностью и симпатией изображаются полководцы.

Анализируя феномен Толстого, И.А. Ильин замечает: «... Лев Толстой был человеком больших и трудно погашаемых *страстей*, которые кипели в нем до глубокой старости... Но одновременно он был человеком властной, трудно утлимой *совести*... Вот почему его жизнь находилась в состоянии вечного и острого *внутреннего конфликта*...Весь его жизненный путь есть история этого внутреннего конфликта между *здоровой природой* и *по-христиански* пробужденной совестью, начиная с первых впечатлений детства, кончая тихой гармонией его кончины» [14]. И, мучимый этим конфликтом, он, по мнению И.А. Ильина, всю жизнь искал умиротворения, покоя и согласия. Это гармоническое равновесие он нашел сначала в художественном творчестве, где блестяще показал гармоничного человека природы, народную душу, все стороны народного бытия, огромный отрезок русской национальной жизни. И.А. Ильин замечает, что «Война и мир» – это своего рода русская «Илиада», а «Анна Каренина» как роман всегда будет стоять в первом ряду мировой литературы. Во второй половине жизни его «*оставил этот покой художественного описания...и он стал искать равновесия и покоя в совести и в религиозном созерцании*. И то, что он узрел таким образом и избрал, *обострило* его конфликт до крайности, и началась борьба с *самим собой*, с *семьей* и со всем *патриархально-традиционным и культурным устройством жизни*» [15]. Поиски источника совести привели его к Богу. Толстой стал изучать Евангелие и переработал его по-свое-

му, оставив лишь то, что отвечало его набирающей мощь доктрине. Авторитарные помыслы церкви и следование церкви исключалось. Толстой начал с самосовершенствования и пришел к философии любви, любви как сострадания, любовь плотская при этом отвергалась. Совесть требовала справедливости, и Толстой подвергает беспощадной критике всю человеческую культуру, в том числе и духовную. «Духовная культура, по Толстому, означает наличие элиты, неравенства, т.е. несправедливость, духовная культура – это верхи, подчинение, право, суд, государство, частная собственность, деньги, война, т.е. эгоизм, борьба, принуждение, ненависть, тюрьма, казнь...духовная культура безнравственна; и все, что она предполагает, все, что связано с нею, подлежит осуждению и ниспровержению. Значит, наука, искусство, церковь, политика, частная собственность – то, в чем знают толк и добиваются успехов лишь немногие, все – вздор, и все должно исчезнуть» [16]. Толстой становится нигилистом от культуры, анархистом, одним из семи самых знаменитых анархистов мира, среди которых англичанин Гудвин, француз Прудон, русский Бакунин, русский князь Кропоткин, француз Алоиз Реклю, американец Таккер и русский граф Толстой [17]. Человек должен жить любовью, то есть состраданием, воздерживаться от плотских удовольствий, в том числе от алкоголя и табака, должен работать физически, в поте лица зарабатывая свой хлеб. Такова философия Толстого. Добиться такого морального самосовершенствования было очень нелегко, и драма всей жизни Л.Н. Толстого – это драма совести, которая длилась десятилетия. В итоге Ильин характеризует обновленного Толстого как образ глубокомысленной доброты и устоявшихся убеждений, пишет о просветленной и преображенной душе великого старца, которая начинает художественно петь. Философ с душевным трепетом и болью описывает последние дни жизни Л.Н. Толстого на земле, подчеркивая, что вся страна сопереживала этому великому художнику и проповеднику, спонтанному реформатору мира. «Никто уже не вспоминал ни о его учении, ни об ошибочности учения, а видели лишь трагическую судьбу исполина, человека совести, чувствовали в нем лишь *носителя и героя русской национальной совести* – и жили как бы рядом с ним в его последние часы на земле» [18].

И.А. Ильин восхищается поздними миниатюрами Толстого, написанными в народном духе, в духе христианской любви, которые словно песня проносятся в художественном пространстве. Рассказы написаны сердцем и представляют собой драгоценные жемчужины русской литературы. Толстой «начинает сам жить любовью, к которой стремился, начинает, носить в себе то добро, в котором он видит спасение мира...и его поющее сердце одаряет его незатейливыми видениями любви, художественными образами добра, свободным, искренним...мягкосердечием, смирением и братством. Великое сердце *поет*» [19]. Его стиль становится снова легким, естественным и плавным и, как весенний воздух, струятся фразы. Ильин в своей лекции «Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир»)» также подчеркивает, что Л.Н. Толстой мастерски, с глубочайшим проникновением в психологию русского народа, описывает характер народа, специфику песни и танца, «те мгновения, те особые критические моменты жизни, в которых обнажается глубокий *пласт родового инстинкта духа*: у смертного одра тяжелобольного; при появлении на свет ребенка; при братании людей из чувства солидарности...в передаче напряженно-суггестивной атмосферы вот-вот предполагаемого, но пока не

происходящего объяснения в любви, при обручении...» [20]. В то же время он блестяще описывает солдатскую душу (11 месяцев он находился в осажденном Севастополе, 1854-1855 гг.). Психологически точно пишет об ответственности, не покидающей русского солдата даже в мелочах, о торжественной и молитвенной серьезности, в которой он пребывает в день сражения, о мистическом предчувствии, которое охватывает его ночью при виде вражеского войска, о юморе висельника в минуту смертельной опасности, о зарождении и подавлении страха смерти, о надежной, неиссякаемой отваге в бою, об удивительной, религиозной, патриотически окрашенной стойкости солдата, его мечтательно-бессмертной духовной любви к царю и т.д... [21].

Подводя итог исследованию творчества Л.Н. Толстого, И.А. Ильин считает, что конечное и непреходящее значение мировоззрения Л.Н. Толстого в том, что оно указывает нам путь и внедряет в наше сознание цель – добиться творческого слияния духа и любви в единой христианской культуре [22].

И.А. Ильин действительно исследует творчество Л.Н. Толстого отнюдь не через розовые очки. Как всегда, он верен лишь истине, и порой, доказывая тот или иной тезис, дает нелицеприятные и зачастую достаточно резкие характеристики как теоретику-резонеру Толстому, так и его отдельным героям: Наташе Ростовской, Пьеру Безухову и т.д. Подобный максимализм оценок достаточно резок и не всегда корректен. Но подчеркнем: для бескомпромиссного максималиста И.А. Ильина нет ничего выше истины в его понимании. В издании «Вера и Верность» (февраль 1955 года, № 2 Сан-Пауло), посвященном памяти философа, отмечалось, что Ильин был «наиболее ярким бескомпромиссным научно-общественным деятелем Зарубежья... Иван Александрович, раз установив диагноз того или иного явления или подлинную сущность того или иного деятеля, делал из сего бескомпромиссно-соответствующий вывод, часто в ущерб личным интересам и отношениям. Это не значит, конечно, что он был всегда абсолютно прав – «errare humanum est» (человеку свойственно ошибаться)» [23]. Но, безусловно, идеал бескомпромиссного научного исследования должен иметь место.

Родственный Л.Н. Толстому художественный акт И.А. Ильин видит у И.А. Бунина.

Статья Ильина «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев» посвящена исследованию творчества И.А. Бунина. Философ отмечает, что творчество Бунина – последний дар русской дворянской помещицкой усадьбы, дар ее русской литературе, России и мировой культуре. Обращаясь к истокам творчества И.А. Бунина, И.А. Ильин выделяет атмосферу русской усадьбы. Помещицья усадьба собирала чудесные библиотеки на четырех, пяти и более языках..., сочетала мировую культуру с национальной спецификой. «Кто хочет читать и разуть Бунина, тот должен почувствовать эту атмосферу русской усадьбы и уловить ее сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие: этот дух скептического просвещения, офранцузенного аристократизма; эту струю небо – опустошающего вольтерианства с его замечательной зоркостью к злему началу в человеке и с его особою подслеповатостью к Божественному началу Добра; этот тонкий аромат разочарованного байронизма с его мрачной и горделивой, но пустоватой проблематикой и с вечной тягой к вольнодумству; эту ширину души, совмещающую мысль со страстью, барское гостеприимство, охоту и кутеж с народническим толстовством, а толс-

товскую мораль с вечною жаждою чувственного, и умственного, и созерцательного наслаждения...эту близость к природе...» [24].

В качестве второго истока творчества И.А. Бунина, И.А. Ильин выделяет крестьянскую, простонародно-всенародную стихию. «В эту стихию он вжился во всей ее первоначальности; он принял в себя весь ее первобытный отстой с его многовековой горечью, с его крепкой ядреностью, с его соленым юмором... но крестьянская стихия не дала ему ограничиться этим: она заставила его принять в свою душу и кое-что из тех сокровенных залежей *мудрости и доброты, свободы и Богосозерцания...*» [25].

И.А. Ильин подчеркивает близость художественных актов И.А. Бунина и Л.Н. Толстого. Толстой был близок Бунину, как ясновидец и живописец человеческого инстинкта. Общее у них и то, что оба – мастера внешнего чувственного опыта. Но Толстой, по мнению философа, подобно Святогору, ушел в землю лишь по пояс, в то время как Бунин погрузился в эту стихию целиком [26]. Толстой – поэт инстинкта, Бунин его анатом. Толстой знает положительные силы инстинкта, его здоровые творческие проявления. Бунин созерцает преимущественно слепую власть инстинкта, сосредоточен на до-нравственных струях инстинкта. Общее с Л.Н. Толстым и то, что Толстой вынужден выступать теоретиком-резонером, а Бунин порой вкладывает в рассуждения своих героев собственные мысли. (Как правило, у его инстинктивных и порой недалеких героев подобные рассуждения выглядят нелепо и неправдоподобно). Или И.А. Бунин прерывает рассказ собственными рассуждениями, ибо его внешний, чувственный художественный акт не способен вместить всю полноту рассуждений и мыслей автора. Ильин неоднократно подчеркивает, что Бунин – писатель большого тонкого ума и самосознания, пишет о его глубине, чуткости, мудрости. Замечает при этом, что писателя нельзя осуждать за его творческий акт. Он такой, какой есть, и часто не исчерпывает глубины личности художника, которая, как правило, глубже и шире специфики его творчества. И.А. Ильин еще раз подчеркивает, что художественный акт Бунина состоит в чувственном восприятии и изображении воспринятого. Бунин описывает или природу, внешнюю человеку, или биологическую особь, еще не ставшую личностью, или уже не ставшую. «Выражаясь в категориях живописи итальянского Возрождения, можно сказать: проблематика Боттичелли не существует для Бунина; а из проблематики Леонардо да Винчи он знает, как редко кто, сферу зоологической грешности, но опыт святости (доступный великому Леонардо) ему неведом» [27]. Ильин считает, что за исключением нескольких мастерских и прекрасных набросков, как бы выхваченных из записной книжки, все остальное искусство Бунина по существу своему до-духовно. Смысл жизни Бунина в восприятии чувственной красоты и в литературном изображении ее. И.С. Шмелев вторит Ильину: «Вот уж именно: искусство Бунина – все в «комплексах», вытекает из темных недр очень властного полового инстинкта, как бы оно ни было закрываемо **цветами** бытия, вплоть до... «космических» [28].

Ильин подчеркивает, что акт внешнего опыта живет зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием и пространственным воображением. Все это напрямую относится к творчеству И.А.Бунина. Ильин замечает, что Бунин – мастер внешнего зрения, оптический мастер, живописец слова. Также он мастер обоняния. «Бунин *вдыхает* мир; он нюхает его и дарит его запахи читателю; и мир благоухает или смердит ему» [29]. То же относится и к звуку в изображе-

нии Бунина, он владеет искусством и звука, и беззвучия. Ильин замечает, что с тою же, если не большею силою и наглядностью передает Бунин осязаемые свойства вещей. К этим утонченным восприятиям присоединяется и мастерство перспективы, пространственной архитектоники, и тогда возникают незабываемые картины и страницы. Художественный акт Бунина определяется повышенным и обостренным переживанием чувственного мира. Ильин замечает, что по физиологическому реализму Бунин приближается к Мопассану и Золя. В изображении чувственной страсти Бунин стоит в первых рядах мировой литературы. Если Бунин описывает любовь, то это любовь «безостаточно ушедшая в тело; она требовательная, несытая, напористая, эгоистическая, холодная, мучительная и горькая. Это любовь, заболевшая плотью и ушедшая в нее. Она следует законам биологии и физиологии и лишь постольку и через это отражается в душе; но она не следует ни законам сердечного чувствования как самостоятельного акта, ни путям одухотворенной души» [30]. Ильин также отмечает, что волевых героев в произведениях И.А. Бунина нет. Нет среди них и мыслителей. Изредка встречаются умные наблюдатели. Но обычно вместо них мыслит сам автор. Сам автор – человек умный, наблюдательный и тонкий – мыслит обычно не «душами своих героев, не в них, не из них», а высказывается отдельно, самостоятельно, в виде философического, социологического или психологического обобщения. Ильин еще раз подчеркивает, что Бунин – мыслитель, но художественный акт его не включает в себя мысль, не объективирует ее в человеческие души и характеры [31]. Бунин в основном описывает инстинкт в его первобытных, до-духовных формах. Ильин же замечает, что тысячелетиями инстинкт и дух человека работают над взаимным сближением: «дух проникает в инстинкт, облагораживает его и усиливает себя его силою; а инстинкт, приобретая свет и правоту духа, мудреет и научается служить ему в радости и успокоении» [32].

Своеобразна и религиозность И.А. Бунина. И.А. Ильин отмечает, что когда Бунин или его герои говорят о «боге», то не следует иметь в виду христианского Бога или хотя бы благого бога. Обычно это «бог» страшный, темный, загадочный, причастный язычески-инстинктивному началу [33]. И.А. Ильин подчеркивает, что, если воспринимать Бога актом до-духовного инстинкта, значит воспринимать не Бога, а темную бездну человеческой души [34]. Предмет Бунина – человек, как орудие первобытного родового инстинкта, не ведающий ни Бога, ни духа, ни добра. Это темное начало глубже всякой культуры и цивилизации. Таков художественный акт И.А. Бунина.

Спустя годы, в 1947 году И.А. Ильин подтвердит свое видение художественного акта И.А. Бунина: «Но вижу, что я в анализе его акта *не* ошибся! Таков и есть» [35].

Понятно, что одухотворенный и глубоко религиозный человек и философ И.А. Ильин не может симпатизировать подобному художественному акту даже Нобелевского лауреата И.А. Бунина, но в то же время беспристрастно и детально описывает и анализирует его.

Подведем итоги. Творчество Л.Н. Толстого и И.А. Бунина И.А. Ильин исследует через специфику их художественного акта. Философ подчеркивает, что оба великих писателя – мастера внешнего чувственного опыта. Оба – ясновидцы и живописцы человеческого инстинкта, с той лишь разницей, что Толстой – поэт инстинкта, а Бунин его анатом. Художественный акт Л.Н. Толстого ха-

рактируется двойственностью: в художнике присутствует теоретик-резонер. Бунин также вкладывает в рассуждения своих героев собственные мысли. Художественный акт обоих писателей не исчерпывает глубины их личностей. Л.Н. Толстой, как и И.А. Бунин, использует не всю клавиатуру своего существования, а только природного человека. Великих художников, подчеркивает И.А. Ильин, нельзя осуждать за их художественный акт. Он такой, какой есть. Но жизнь, судьба, творчество великих мира сего во многом определяются его спецификой.

Заслугой И.А. Ильина представляется оригинальная, научно-обоснованная, хотя порой, к сожалению, и резкая, интерпретация классического наследия через феномен художественного акта.

Список литературы:

1. Ильин И.А. Приложение // Ильин И.А. Собр.соч. в 10 томах. – Т. 2. – Кн. 2. – М., 1993. – С. 408.
2. Переписка двух Иванов. (1935 – 1946) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 454.
3. Там же. – С. 453.
4. Там же. – С. 454.
5. Там же. – С. 443.
6. Письмо Ильина И.А. к Горбунову - Посадову И.И. от 6 июля 1908 г // Российский Государственный Архив литературы и искусства. Фонд 122. Ед.хр.635. Опись №1.
7. См. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек // Собр. соч. – Т. 6. – Кн. III. – С. 490.
8. Ильин И.А. Там же. – С. 478.
9. Ильин И.А. Там же.
10. Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир») // Там же. – С. 436.
11. См. Там же. – С. 445.
12. Переписка двух Иванов. (1935 – 1946) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 413 -414.
13. Там же. – С. 447.
14. Там же. – С. 490.
15. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек. Там же. – С. 491.
16. Ильин И.А. Мировоззрение Льва Толстого. Там же. – С. 461.
17. См. Там же. – С. 465.
18. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек. Там же. – С. 482.
19. Там же. – С. 485.
20. Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир») // Там же. – С.454.
21. См. Там же. – С. 454–455.
22. См. Ильин И.А. Мировоззрение Льва Толстого. Там же. – С. 476.
23. Ильин И.А. Приложение. // Ильин И.А. – Т. 2. – Кн. 2. – М., 1993. – С. 402.
24. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Собр.соч. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 211.
25. Там же. – С. 212.
26. См. Там же. – С. 215.
27. Там же. – С. 220.
28. Переписка двух Иванов (1935 – 1946). // Собр.соч.М. Русская книга, 2000. – С.443.
29. Там же. – С. 225.
30. Там же. – С. 239.
31. См. Там же. – С. 242.
32. Там же. – С. 261.
33. См. Там же. – С. 263 -264.
34. См. Там же. – С. 265.
35. Переписка двух Иванов. (1947–1950) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 35.

M. Moiseenko

THE PHENOMENON OF THE ART ACTION THROUGH A PRISM OF OF L. TOLSTOY'S AND I. BUNIN'S CREATIVITY (ON I. ILYIN'S ARTICLES)

The paper researches the specificity of the art action through a prism of creativity of L. Tolstoy and I. Bunin by the Russian philosopher abroad – I. Ilyin. The philosopher marks likeness of creative action of L. Tolstoy and I. Bunin: a duality, external sensual vision, deep penetration into a chasm of a human instinct. The art action of both writers does not settle depth of their persons. The philosopher of Spirit I. Ilyin does not sympathize with similar creative actions, but, nevertheless, brings a worthy mite in objective research of secrets of L. Tolstoy's and I. Bunin's creativity.

Key words: Creativity, the aesthetic theory, art, the art certificate.